

Старостин А. Н., Ярков А. П.

## «БРОДЯЧИЕ» МУЛЛЫ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В АСПЕКТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА, УММЫ И ЕЁ ЛИДЕРОВ

### Аннотация.

Авторы анализируют 800-летнюю историю образа «бродячих» мулл через смыслы с рядом коннотаций: «незаконные», «неофициальные», «безметчатые», «неуказанные». Устанавливается, что это сформированный на территории Северной Азии институт служителей исламского культа, не имевшего приписки к мечетям. Уточняется, что на некоторых исторических этапах они служили, не обладая официальным статусом. Констатируется, что широкий спектр значений образа «бродячих» мулл нахо-

дился в плоскости взаимоотношений верующих и государства (Сибирского ханства, Российского государства, Советского Союза).

**Ключевые слова:** Ислам, «бродячие» муллы, умма, Сибирь, Дальний Восток.

#### Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

#### Источник финансирования

Данная работа не имела источников финансирования.

**Для цитирования:** Старостин А. Н., Ярков А. П. «Бродячие» муллы в Сибири и на Дальнем Востоке в аспекте взаимоотношений государства, уммы и её лидеров // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 2. С. 13–17.

### HISTORY

Starostin A. N., Yarkov A. P.

## "WANDERING" MULLAHS IN SIBERIA AND THE FAR EAST IN THE ASPECT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE STATE, THE UMMAH AND ITS LEADERS

### Abstract.

The authors analyze the 800-year history of the image of «wandering» mullahs through meanings with a number of connotations: «illegal», unofficial, «dreamless», unspecified. It is established that this is an institution formed in the territory of North Asia of ministers of Islamic worship who had no access to mosques. It is specified that at some historical stages they served without having official status. It is stated that a wide range of values of the image of «wandering» mullah

was in the plane of relations between believers and the state (Siberian khanate, Russian state, Soviet Union).

**Keywords:** Islam, «wandering» mullah, umma, Siberia, Far East.

#### Conflict of interest

None declared.

#### Source of financing

There was no funding for this project.

**For citation:** Starostin A. N., Yarkov A. P. "Wandering" mullahs in Siberia and the Far East in the aspect of the relationship between the state, the Ummah and its leaders // Humanities and social sciences bulletin, 2020, Vol. 1, No. 2. P. 13–17.

Проблема религиозного лидерства всегда была в центре внимания исследователей разных религиозных традиций, однако если институты формальных религиозных лидеров, таких как христианские священники и монахи, буддийские ламы, исламские имамы, назначенные на свою должность по указу, доступны для изучения учеными (с использованием методов анкетирования, интервью, анализа делопроизводственных документов и др.), то институт неформальных религиозных лидеров исследовать гораздо труднее. Упоминания о них в до-

кументальных источниках минимальны, поэтому какие-либо подробности можно установить, только выявив таких лидеров, побеседовав с ними, членами их семьи или окружения. Однако зачастую влияние института неформального духовенства было не меньшим, если даже не большим, чем духовенства официального. Особенно ярко это проявилось в исламе на территории Азиатской части России: в период становления там мусульманских общин до их официального признания, в годы советской власти, когда практически все официальные рели-

гиозные институты были уничтожены, а также в настоящее время, когда у каждого локального сообщества, исповедующего ислам, имеются свои неформальные религиозные лидеры.

Заявленная тема не была предметом отдельного изучения исследователей истории ислама Азиатской части России. Дело в том, что само понятие «бродячих» мулл наделено несколькими смыслами, а именно: «нелегальные», «неофициальные», «безмечетные», «неуказные». Многие из них, обладая знанием и авторитетом, исправно несли службу, несмотря на свой официально не признанный статус.

Первым установленным фактом появления «бродячих» мулл в Северной Азии является надпись на кайраке (крупной речной гальке) в урочище Саадак-Терек в Туве. Кайрак найден на одной из факторий северного ответвления Великого Шёлкового пути, куда, предположительно в 1194 г., попал сопровождавший торговый караван имам Умар бен Мухаммад бен Али ал-Балхи [12, с. 203–210].

«Безмечетные» муллы жили и в Западной Сибири на раннем этапе распространения ислама – тогда мечетей вообще не было. Такими являлись легендарные 366 шейхов-миссионеров. В обнаруженной в 2004 г. «Грамоте хранителя Юрумской астана» [Примечание авторов: на сибирскотатарском языке / диалекте арабскими графемами] отмечено: «Известные святые разошлись от устья реки Ишима до Иртыша... Народ Прииртышья ... был многочисленным ... от их враждебного отношения 360 святых приняли мученическую смерть и стали шахидами». Спорно отнесение этого события к 1394–1395 гг., как и подлинность имён многих шейхов, но показателен результат усилий тех, кто пытался силой оружия привести сибиряков к исламу [19]. Упоминаемые же в лакабных именах [Примечание авторов: «шейха Назара из внуков Зенги-бабы» и других] эпитеты «баба» и «деде-баба» показывают устоявшуюся позднее форму почитания средневековых миссионеров.

Через полтора столетия успех в распространении ислама оказался на стороне «безмечетных» миссионеров, убеждавших проповедями и личным примером «истинность» привносимых в массы идей. Тогда и усилия правителей стали более заметными. Впрочем, даже при Кучуме ислам не приобрёл в Сибирском ханстве статуса государственной религии, хотя приглашённые из Средней Азии и Поволжья муллы, имамы, муэдзины, улемы содержались за счёт казны.

Первое время, после вхождения азиатских территорий в состав России, вопросы разрешения на духовное окормление мусульман не регулировались. К шерти (присяге на верность) приводились новоподданные на Коране в присутствии муллы. Приглашённые ранее Кучумом Дин-Али ходжи, Ходжам Шукур и другие оста-

лись среди сибиряков, корректировали для них списки «святых людей» (авлия) и «священных мест» (астана), разрешали вопросы брачных и семейных отношений, участвовали в богословских дискуссиях.

Служилые татары направлялись тобольскими и томскими воеводами в годовальщики в самые отдалённые вновь присоединяемые территории, где, естественно, не было ни мечетей, ни специально посланных мулл. Намазом и ритуалами руководили «сведущие», обладавшие харизмой и авторитетом в вопросах веры. Эти качества, полагаем, характерны для многих из относящихся к исследуемому институту.

Позже, согласно имперскому законодательству, мулл и имамов выбирали члены прихода, а затем кандидатуру утверждали Оренбургское Мусульманское Духовное Собрание (ОМДС) и светские власти [Примечание авторов: экзамены предполагали знание не только догматов веры и вопросов исламского права, но и русского языка]. Так чаще всего и происходило. Однако есть примеры, когда муллы находились в приходах без выборной процедуры. Это было связано с тем, что в молодых общинах Сибири (особенно Восточной) попросту отсутствовали образованные люди, из которых можно выдвинуть достойного. Поэтому ОМДС нередко присылало свои кадры. Некоторые напрямую избирались членами прихода и действовали с одобрения местных властей, но временно без официального указа от муфтията. Их называли «неуказными» муллами.

Практика передачи от отца к сыну или племяннику должности сельского муллы привела к появлению родового именованного «мулла-тугум», где ещё не утверждённые в должности родственники умершего «указного» начинали исполнять требы. На этом настаивала паства. А вот за попытку самостоятельно устроить экзамен Абд аль-Джалль бен Хилвету на право стать муллой 12 мулл Тарского уезда были уволены [20].

Прибывающие в степное приграничье (для кормления и окормления) «безмечетные» муллы из Ферганы вызывали напряжение из-за проявляемого ими фанатизма не только у властей, но и у Ч. Ч. Валиханова – степняка, мусульманина, казахского просветителя и российского офицера.

Высланный из Поволжья в Якутск в 1874 г. Х.-К. Еникеев исполнял обязанности муллы, но не получал вознаграждения. Между тем, по просьбе местных властей он приводил к присяге солдат и вёл нравственные беседы с ссыльнокаторжными. Причина отказа в получении «документа на право звания муллы» – ранее Еникеев привлекался к уголовной ответственности [6].

Ещё более напряжённая ситуация сложилась на Сахалине, где ссыльные построили суннитские и шиитскую мечети, а должность мулл получить не могли – у всех «уголовное прошлое», а один из претендентов в 1889 г. даже совершил побег [15].

Не стоит абсолютизировать роль и поведение служителей культа «при мечетях». Некоторые из них уклонялись от реального укрепления нравственности, имея разные «варианты духовного совершенствования»: для себя, для близкого окружения, для уммы. Поэтому приходящие «безмечетные» муллы выполняли роль случайного попутчика в поезде и были востребованы.

Сложна судьба служителей культа в советское время. Некоторых «бродячих» вместе с казахскими биями, приведшими в Сибирь сородичей из пострадавших от коллективизации и голода районов Казахстана, обвинили в подготовке восстания и эмиграции [3, с. 98–101]. До разгрома репрессий судьба и советский суд оказались милосердны к Г. Д. Джансарину из Алтайского края, отделившемуся в 1931 г. ссылкой в Восточную Сибирь. Он оказался «безмечетным» муллой (мечеть в с. Кирей закрыта), но продолжал пастырскую деятельность [16].

Исследуемый институт вообще стал заметен в годы массовых гонений государства на верующих. Так, все 11 «безмечетных» мулл Горного Алтая были репрессированы [18, с. 92]. Впрочем, большая часть официальных и «бродячих» мулл оказалась толерантна к власти, а случаи конфронтации были единичны. Так, ещё в 1923 г., практикуя по просьбе верующих, Н. Чалалутдинов получил звание муллы. В 1928 г. он публично отказался от обязанностей, но в 1937 г. был арестован. На допросе заявил: «Никакую контрреволюционную [работу] не вёл и не могу, потому что я слепой, иногда по приглашению людей хожу с помощью восьмилетней внучки и читаю по Корану. Это нужно мне и для пропитания, потому что дают милостыню» [1, л. 156]. За «контрреволюционную деятельность» его, как и омича из «бродячих» К. Алтыева, приговорили к расстрелу.

Религиозное воспитание сосредотачивалось под влиянием политики атеизма на уровне семьи. Привечаемые там «бродячие» муллы давали исламские имена новорожденным (в т. ч. и в смешанных семьях), и с согласия родителей проводили суннат. Также их приглашали на чтение молитв, когда женщина теряла сознание при родах.

Великая Отечественная война стала временем форсированной индустриализации и «выкачивания» людских, природных и материальных ресурсов для победы. Тогда роль «бродячих» мулл существенно усилилась. Даже власть признала, что размах довоенной политики не сломил дух верующих, а ритуалы оказались действенными: «В день отправки на фронт аульный [*Примечание авторов: «неофициальный»*] мулла собрал новобранцев за околицей..., и все они вместе читали намаз» [10]. Оказавшийся в 1930-е гг. «безмечетным» муллой Х. А. Непатбаков из юрт Карбанских стал в 1943 г. Героем Советского Союза [8, с. 324].

У астана в отсутствие мечетей собирались верующие для молитвы о здоровье ушедших в действующую или

трудовую (Трудовые колонны) армии. Консолидация верующих объяснима духовной потребностью, где востребованы любые «знатоки». Как и в предвоенные годы, «нелегальные» муллы Ш. Шакиров, М. Набиев, Ш. Рахимов исполняли свои функции. В южных районах Омской области был популярен Ахмет-мулла, к которому обращались с просьбой погадать о близких, находящихся на фронте. Он водил чёрным карандашом по страницам Корана и предсказывал судьбу (не одобряемое шариатом деяние, но психологически действенное). Примечательно, что «бродячие» из сибирских казахов очень часто давали имя Аманкелди рождавшимся тогда мальчикам. Это имя-оберег означало «возвращение домой». Существовало поверье, что если мальчика назвать этим именем, то он обязательно вернётся с войны живым и невредимым.

В устах этих мулл (хотя и официально не признанных) звучали патриотические призывы к защите Родины. С их благословения производился сбор средств и продовольствия для нужд фронта, распространялись облигации государственных займов [5, с. 247].

В послевоенные годы, испытывая давление атеистической политики, по домам, на кладбищах и астана «бродячие» проводили упрощённые обряды на основе выданных в Уфе документов, подтверждающих их компетенции, а иногда и без них. В приграничные районы Алтайского края и Горного Алтая по приглашению местного населения приезжали муллы из соседнего Казахстана, где власти из политических соображений послабляли верующим. Для Казахской ССР они были официально признанными, а на территории РСФСР являлись «незаконными», вторгнувшись на «чужую каноническую» территорию.

Властями настороженно фиксировалось: «...в Байкаловском районе обнаружено два бывших муллы, кои отправляют молитвенные обряды мусульманского вероисповедания, особое проявление происходит в ...Тобол-Тура» [7, с. 30-36]. Выявленные «нелегальные» муллы, как, например, в Тюменской области – Х. Кульмаметьев, Х. Багаутдинов, А. Айметдинов, подверглись остракизму.

Поскольку добиться разрешения на открытие мечетей или молитвенных домов (в т. ч. ранее закрытых) было трудно, то «неофициальным» муллой мог оказаться и «указной» (с дореволюционного времени). Так, по данным Уполномоченного Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Кемеровской области, 15–20 мусульман собирались в доме бывшего учителя М. Хасаншина. Руководил общиной бывший «указной» мулла Н. Насыров. Верующие вели переписку с ДУМЕС (правопреемником ОМДС), отправляли деньги в Уфу «для содержания управления». Община ходатайствовала перед властями об официальной регистрации, о проведении праздников, но получала отказы [11].

По постановлению «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» с 1950-х гг. деятельность «неофициальных» мулл признавалась преступной. Так, в 1963 г. в Кемеровской области А. Р. Рахимов был осуждён к трём годам высылки как «руководитель сектантской группы мусульман г. Прокопьевска» [2].

По данным управления КГБ по Кемеровской области, на 1 января 1961 г. на территории региона действовали 6 мусульманских религиозных групп, не имевших официальной регистрации. Первая действовала в Кемерово. В ее состав входили около 150 человек. Ее возглавляли неофициальные муллы Мингазудинов Габдулбара 1903 г.р. (татарин, малограмотный, не работающий, проживал по адресу: ул. Обская, 11) и Хафизов Бибидоф 1917 г.р. татарин, малограмотный, проживал по адресу: ул. Мединская, 23). Еще одна группа верующих действовала в Ленинске-Кузнецком и объединяла до 100 человек. Ее возглавлял мулла Бусембеков Бусембек 1890 г.р. (казах, 3 класса духовного образования, пенсионер). Самая крупная группа верующих мусульман действовала в Прокопьевске. Она объединяла 300 человек, которые действовали в составе 4 групп. Ими руководили 8 неформальных мулл: 1. уже упомянутый нами Рахимов Абдрахман 1896 г.р. (татарин, 7 классов образования, пенсионер, проживавший по адресу: ул. Искусства, 10), 2. Кувятов Абдрахман 1896 г.р. (башкир, пенсионер, проживал по адресу: ул. Халтурина, 4), 3. проживавший по тому же адресу Фаррахов Гонтарь 1879 г.р. (башкир, пенсионер), 4. Хуснуллин Халит 1903 г.р. (башкир, 5 классов образования, пенсионер, проживал по адресу: ул. Безымянная, 43), 5. Хасанзянов Сабир 1904 г.р. (татарин, 3 класса образования, пенсионер, проживал по адресу: ул. Вербовая, 4), 6. Фаваризов Габдулла Габдассович 1889 г.р. (башкир, 4 класса образования, инвалид, проживал по адресу: ул. Чапаева, 34) 7. Мубаракшин Хужат Газизович 1906 г.р. (пенсионер, проживал по адресу: ул. Донбассовская, 5), 8. Сяпуков Юсуп 1889 г.р. (татарин, 4 класса образования, пенсионер, проживал по адресу: ул. Серова) [17, Приложение. Таблица №37]. Помимо архивных данных, интервью с пожилыми людьми, записанные авторами в разных городах Азиатской части России, свидетельствуют о том, что в послевоенные годы и в деревнях, и в городах, где имела хотя бы небольшая группа татарского или башкирского населения, обязательно был человек, выполнявший функции муллы и проводивший обряды жизненного цикла, а также маджлисы и коранаши (обеда с чтением Корана) по особо важным случаям (возвращение сына из армии, приобретение квартиры или автомобиля, поминальные мероприятия).

Среди «бродячих» мулл встречались и неоднозначные люди, например, К. Юртаев, ранее отбывавший наказание за участие в пронацистском «Волго-Татарском комитете» («Идель-Урал») [9].

В советский период «бродячие» практически по всему мегарегиону обслуживали верующих. В основном это были люди, получившие образование в дореволюционных мектебе [14]. Они передавали неофициальные должности более молодым, которые слабо владели арабским языком. Не всегда молодые соблюдали предписания, но умели дать имя, провести никах, прочитывать дуа, совершить похоронный обряд [13, с. 76]. Также фиксируется, что в новых зонах «исламского освоения», особенно в северных и дальневосточных районах, «неофициальные» муллы успешно согласовывали вероисповедные практики различных мест исхода окормляемых. Этого, увы, недостаёт в современных обстоятельствах усиления миграционного потока в Сибирь и на Дальний Восток.

Тем не менее, тех традиций, что удалось сохранить на уровне семьи и благодаря деятельности неофициальных мулл, оказалось достаточно для того, чтобы в конце 1980-х – начале 1990-х в регионе началось религиозное возрождение.

В постсоветский период не нужна была фиксация официального статуса. Часть местных татар предпочитает не отходить от сложившихся устоев и приглашает на семейные события «старенького муллу». Мулла мог слабо знать арабский язык, но зато говорил на татарском и совершал обряд «по традиции» [4]. В Сургуте часть прихожан-чеченцев приводила в мечеть на службы «своего» муллу, апеллируя к непониманию смысла произносимого имамом-татарином.

Сложная ситуация складывается в местах отбытия наказания, где (как, например, в Хакасии и Тыве отсутствуют мечети), а на роль руководителей неформальных общин претендуют осуждённые за экстремистскую деятельность, заражая молодёжь, даже не принадлежащую к ареалу исламской цивилизации по происхождению. Опасны в последствиях не только «тюремные», но и «тюремные джамааты» на судах и промыслах дальневосточной зоны, а слабость местной власти и уммы в противодействии распространению экстремистских идей, увы, – частая реальность.

Собирающиеся втайне салафиты обвиняют в «продажности» всё «мечетное» духовенство. Избранные радикалами лидеры, такие, например, как А. А. Тихомиров (Абуу Саад Саид аль-Бурятия / Саид Бурятский), очевидно, обладают харизмой. Но отказ от согласования предписанного догматикой и реальной ситуации приводит их паству к духовному кризису, конфронтации с большей частью уммы, придерживающейся традиций умеренного ислама.

Таким образом, институт «бродячих», «нелегальных», «безмечетных», «неуказных» мулл не исчез, а приобрёл иной облик с глубоким и часто противоречивым наполнением. Выявление особенностей функцио-

нирования данного института в современных условиях должно быть положено в основу новых подходов в противодействии экстремистским проявлениям в умме мегарегиона.

## Источники и литература / Sources and references

1. Архив РУ ФСБ РФ по Тюменской обл. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 38. Л. 156.
2. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 49а. Л. 219-221.
3. Аблажей Н. Н. Перебежчики в Горном Алтае: масштабы миграций и механизм политических репрессий в 1920–1930-е гг. // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Вып. 2. – Новосибирск, 2004. – С. 98–101.
4. Агаев А. Корни проблем «официального мусульманского духовенства» России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-6557.html> (дата обращения: 14.05.2020).
5. Ахметова Ш.К. Казахи аула Каскат: традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири. – Омск, 2013. – С. 247.
6. Баимов Р. Н. Исчезающие истории. Башкиро-якутские историко-культурные взаимосвязи. – Уфа, 2007.
7. Блокнот агитатора Тюменского обкома КПСС. – 1961. – № 21.
8. Большая Тюменская энциклопедия: [в 3 т.]. – Т. 2. – Тюмень, 2004.
9. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.]. Т. 3 / под ред. А. П. Яркова. – М., 2015. – 444 с.
10. Кабдулвахитов К. Б. Откочевники. Летопись казахского колхоза имени Дальневосточной Красной Армии в Нижнетавдинском районе Тюменской области (1940–1960-е гг.). – Тюмень, 2010.
11. Кучумов С. Татары-мусульмане в Кемеровской области // Истина. – 2011. октябрь.
12. Кызласов Л.Р. Памятник мусульманского средневековья в Туве // Советская археология. – 1963. – № 2. – С. 203–210.
13. Малашенко А. В. Надо ли бояться ислама? – М., 2017.
14. Полевые материалы А.П. Яркова и А.Н. Старостина.
15. Потапова Н.В. Религиозная жизнь Сахалина (во второй половине XIX – начале XXI в.): дисс. ... к. ист. н. – Южно-Сахалинск, 2004.
16. Родник Алтая. – 2010. – № 13 (42).
17. Шиллер В. В. Этноконфессиональное взаимодействие в Кемеровской области в конце – XX вв. (источники и методы изучения). Дисс... канд. истор. наук. – Кемерово, 2004.
18. Эшматова Г. Б. Репрессии против служителей культа на Алтае в первые годы советской власти // Народы и религии Евразии. Этнология. Религиоведение. Археология. – 2018. – № 2 (15). – С. 89–93.
19. Ярков А. П., Белич И. В., Зиннатулина Г. И. Священные места сибирских мусульман – астана. – Тюмень, 2006. – 24 с.
20. Bustanov A. Abd al-Rashid Ibrahim's Biographical Dictionary on Siberian Islamic Scholars // Kazan Islamic Review. – 2015. – № 1.

### Информация об авторах:

**Старостин Алексей Николаевич**, к.и.н., доцент кафедры теологии Уральского государственного горного университета. E-mail: [alisheria@mail.ru](mailto:alisheria@mail.ru).

**Ярков Александр Павлович**, д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Экспертного научного центра противодействия идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета. E-mail: [ayarkov@rambler.ru](mailto:ayarkov@rambler.ru).

### Authors information:

**Starostin Alexey Nikolaevich**, Ph.D of Historical science, associate Professor of the theology Department of the Ural state mining University. E-mail: [alisheria@mail.ru](mailto:alisheria@mail.ru).

**Yarkov Alexander Pavlovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor, leading researcher of the Expert scientific center for countering the ideology of extremism and terrorism of Tyumen state University. E-mail: [ayarkov@rambler.ru](mailto:ayarkov@rambler.ru).